

УДК 811.112.2'37

Л. Н. ГРИГОРЬЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ И АНТИСЛОВ ГОДА

В статье проводится сопоставительное рассмотрение слов и анτισлов года, которые выбираются во время ежегодно проводимых акций, в том числе в России, Германии, Австрии и Швейцарии. Основное направление анализа — изучение происходящих в этих словах семантических процессов, связанных с неологизацией, эвфемизацией, изменением и приращением смысла. Многие из анализируемых в статье слов используются в различных дискурсах данных социумов — политическом, экономическом, социальном, — доминирующих в зависимости от того, что привлекло наибольшее внимание общественности соответствующей страны в течение того или иного года. Слова и анτισлова года могут обозначать события и явления, выходящие за рамки определенной страны, что отражает мировые процессы глобализации; некоторые из них, наоборот, отличает ярко выраженная национальная специфика, что затрудняет их понимание и перевод. Цель статьи — выявить сущность данного феномена; определить место слов и анτισлов года среди таких пересекающихся с ними языковых явлений, как неологизация, ключевые слова, концепты; наметить возможности внутренней классификации слов и анτισлов; выделить черты сходства и различия как между русскими и немецкоязычными словами и анτισловами, так и внутри данных групп в разных немецкоязычных странах. В ходе исследования использовались такие методы анализа, как метод лингвистического наблюдения и описания и сравнительный метод. В результате проведенного анализа удалось установить, что слова и анτισлова года еще не получили в лингвистике четкой дефиниции, что они имеют точки пересечения со многими другими языковыми явлениями, что их классификация может быть основана на разных критериях. Контрастивное изучение позволило выделить как черты сходства между ними в разных странах, обусловленные экстралингвистическими причинами, так и различия, объясняемые внутренними проблемами стран и стремлением к языковому своеобразию.

Ключевые слова: лингвокультурология, контрастивная лексикология, слово года, анτισлово года, Германия, Австрия, Швейцария, Россия.

COMPARATIVE CULTURE LINGUISTICS ANALYSIS OF GERMAN AND RUSSIAN WORDS AND ANTI-WORDS OF THE YEAR

This article provides a comparative examination of the words and anti-words of the year, which are selected during the annual campaigns, namely in Russia, Germany, Austria and Switzerland. The main direction of analysis is the study of the semantic processes occurring in these words associated with neologization, euphemization, change and augmentation of meaning. Many of the words analyzed in this article reflect different discourses of the respective societies' life — political, economic and social. These discourses become dominant depending on what attracted the greatest public attention in the corresponding country during a particular year. Some of the words and anti-words of the year can denote events and phenomena that go beyond the borders of a certain country, which reflects the world processes of globalization. Others, on the contrary, are distinguished by pronounced national specificity, which makes it difficult to understand and translate them. The purpose of the article is to reveal the essence of this phenomenon; to determine the place of words and antiwords of the year among such overlapping linguistic phenomena as neologization, keywords, concepts; to outline the possibilities of their internal classification; to highlight the similarities and differences both between Russian and German-language words and anti-words, and between the German-language words themselves in different German-speaking countries. This research relies on such methods of analysis as the method of linguistic observation and description and the comparative method. As a result of the analysis, it was possible to establish that words and anti-words of the year have not yet received a clear definition in linguistics, that they have intersection points with many other linguistic phenomena, and that their classification can be based on different criteria. A contrasting study made it possible to distinguish not only similarities between these words in different societies, due to extralinguistic reasons, but also differences explained by the countries' internal problems and the desire for linguistic originality.

Keywords: cultural linguistics, contrastive lexicology, Word of the year, Anti-Word of the year, Germany, Austria, Switzerland, Russia.

1. К истории вопроса

За последние несколько десятилетий выбор слова и анτισлова года превратился во многих странах в обязательную лингвокультурную акцию, которая вызывает большой интерес со стороны общественности и активно обсуждается в средствах массовой информации. Такие проекты можно рассматривать в рамках разных наук, потому что их анализ предполагает междисциплинарный подход. Не удивительно, что этот феномен не обошли своим вниманием и зарубежные, и отечественные лингвисты, посвятившие ему свои

научные статьи и монографии, в которых, правда, основное внимание уделяется истории возникновения данной практики и толкованию значения слов-победителей. Этот интерес вызван желанием через изучение языка понять не только явные, но и скрытые социальные изменения, происходящие в обществе той или иной страны. В нашей статье предполагается дать небольшую справку подобного типа, касающуюся только непосредственного объекта изучения — немецко- и русскоязычных слов и анτισлов года, при этом мы сосредоточимся в большей степени на их лингвистической характеристике и культурологической специфике в межъязыковом ракурсе.

Впервые акция «Слово года» (“Wort des Jahres”) была проведена в Германии в 1971 году, с 1977 года она стала ежегодной. Организацией акции занимается Общество немецкого языка (“Gesellschaft für deutsche Sprache”). Процедура выглядит следующим образом: сначала собираются предложения всех желающих, включая жюри. Из полученных слов жюри выбирает 10 слов-номинантов, из которых одно становится словом года. Жюри, председателем которого в настоящее время является профессор Петер Шлобински, состоит из лингвистов, журналистов и специалистов из других сфер, что позволяет учесть разные аспекты и взгляды.

До 1999 года результат этой акции можно было неофициально считать не только словом года Германии, но и словом года всего немецкоязычного пространства или немецким словом года, поскольку другие немецкоязычные страны ее не проводили. Однако в 1999 году впервые прошли выборы слова года в Австрии, их инициатором стал профессор Рудольф Мур, объяснив необходимость отдельной акции тем, что Германия выбирает слова, релевантные только для нее самой, без учета особенностей жизни и немецкого языка в других странах. Поэтому можно отметить, что австрийским словам года часто присуща более ярко выраженная национальная специфика [19]. Австрийское слово года выбирается по инициативе исследовательского центра при Ассоциации австрийского немецкого языка (Gesellschaft für österreichisches Deutsch — GSÖD) в Грацком университете и при поддержке Австрийского агентства печати (APA) жюри, состоящим из 11 человек.

Что касается других стран, где немецкий язык имеет статус государственного, то с 2003 года эта акция проходит в Швейцарии, с 2002 — в Лихтенштейне, а с 2005 — в итальянской провинции

Южный Тироль. Если ограничиться только Швейцарией, то с 2003 по 2016 год отдельное немецкое слово года выбирало Бюро «Слова года» (“Büro Wort des Jahres”). Позже исследовательская группа на факультете прикладной лингвистики при Цюрихском университете прикладных наук (Zürcher Hochschule für Angewandte Wissenschaften) начала выбирать слова года также для других государственных языков Швейцарии: французского с 2017, а с 2018 года последовали выборы слова года для итальянского и ретороманского языков.

Антислово года выбирается в Германии с 1991 года по инициативе лингвиста из Франкфурта Хорста Дитера Шлоссера; до 1994 года организацией его выбора занималось тоже Общество немецкого языка, но после конфликта с ним жюри по выбору антислова года стало самостоятельной организацией под названием «Акция критики языка — Антислово года» (“Sprachkritische Aktion Unwort des Jahres”).

В России выборы слова и одновременно антислова года проводятся с 2007 года. Предложения собираются в группе «Слово года» в сети «Фейсбук», но сам выбор осуществляется Экспертным советом, в который входят известные писатели, филологи, лингвисты, журналисты, культурологи и философы. Руководит данным советом Михаил Эпштейн, который и предложил проводить эту акцию в России вслед за другими странами. С 2018 года данная акция параллельно проводится Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина. Подобная практика (выбор слова года разными институциями) характерна не только для России, но и для ряда других стран. Так, например, выбираемое с 1990-х годов в англоязычном лингвокультурном пространстве слово года (Word of the year) в США осуществляется разными организациями независимо друг от друга: Американским диалектологическим обществом (American Dialect Society), издательством «Мерриам-Вебстер» (Merriam-Webster), агентством «Глобальный языковой монитор» (Global Language Monitor), в газете «Нью-Йорк таймс» (The New York Times) слова года публикует американский лингвист Грант Барретт.

Данный краткий обзор продемонстрировал, что выборы слова года проводятся в Германии уже на протяжении 50 лет, а антислова — 30 лет. Другие немецкоязычные страны начали заниматься этим на рубеже тысячелетий или в начале нового тысячелетия, Рос-

сия присоединилась к этой акции на исходе первого десятилетия нового тысячелетия. Соответственно, в качестве материала исследования использовались 50 слов и 30 анτισлов года из Германии, по 23 слова и анτισлова года из Австрии, по 19 немецких слов и анτισлов года из Швейцарии, 14 слов и столько же анτισлов года из России, всего 192 слова и словосочетания.

Основные выбранные в данной статье линии изучения слов и анτισлов года можно сформулировать следующим образом:

- 1) проблема дефиниции понятий «слово/анτισлово года» и их возможные характеристики;
- 2) возможность рассмотрения слов/анτισлов года в рамках других традиционных для лингвистики языковых явлений;
- 3) критерии возможных классификаций слов/анτισлов года.

Отдельного рассмотрения заслуживают слова и анτισлова 2020 года, которые пока еще не становились объектом изучения.

2. Понятие и основные характеристики слова и анτισлова года

Слово года часто называют феноменом, видимо, оттого, что до сих пор не существует его однозначного определения. Попытки его дефиниции представлены на специализированных сайтах, но они не носят лингвистического характера, а отражают междисциплинарный подход к пониманию данного явления. Так, в своем видеointerview профессор Петер Шлобински говорит, что слово года является «капсулой времени» для запечатления важнейших событий года¹.

Михаил Эпштейн охарактеризовал слова года так: «„Слово года“ позволяет подвести кратчайший итог минувшему году и запечатлеть его в памяти потомков. Слова и выражения, которые выдвигаются на конкурс, не обязательно возникают именно в данном году, но они должны отражать его специфику, воплощать его дух, очерчивать движение времени» [15]. В статье, посвященной словам года, О. С. Иссерс описывает их так: «Несмотря на определенную степень субъективности, „слова года“, представляющие собой наиболее часто употребляемые в публичной коммуникации

---

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=VHZgjgbdBDc> (дата обращения: 08.01.2021).

фразеологические единицы, составляют своеобразный социально-политический портрет года, реконструированный через номинативные лингвистические маркеры» [6, с. 49]. Х. Вальтер, И. Т. Вепрева и А. Мустайоки считают слово года «своеобразной брендовой идентичностью года, системно выраженной в ярких и узнаваемых номинативных единицах» [3, с. 122]. Н. В. Стекольникова пишет, цитируя М. А. Кронгауза, что «такие акции помогают составить портрет общества в словах, „ощутить настроение, “нерв” времени“» [12, с. 31].

Что касается анτισлова года, то, по словам М. Эпштейна, «[е]сли Слово года в наибольшей степени концентрирует в себе его проблематику, заботу и интерес, то Анτισлово — подмену и извращение понятий» [14].

Немецкое общество «Акция языковой критики — Анτισлово года» так определяет цель данной акции: «Акция „хотела бы обратить внимание на принятые в обществе формы словоупотребления, чтобы способствовать развитию языкового сознания и чувства языка у населения. Поэтому она критически осмысливает слова и формулировки во всех сферах общественной коммуникации, которые противоречат объективному соответствию и гуманности» (здесь и далее перевод мой. — Л. Г.)².

Интересны в этой связи возникновение и история самого немецкого слова *Unwort*, значение которого в немецком толковом слове “Der deutsche Wortschatz” (DWDS) толкуется следующим образом: “1. schlecht, falsch gebildetes, unschönes Wort (1a): ‘die Amtssprache hat manche Unwörter hervorgebracht’; 2. schlimmes, unangebrachtes Wort (1b): ‘das Unwort des Jahres’”³. В качестве иллюстративного материала ко второму варианту значения слова приводятся некоторые анτισлова года. Данное слово употребляется также для обозначения некоторых понятий из нацистского языка периода Третьего рейха, который тоже неоднократно становился объектом лингвистического изучения и которому посвящен ряд проектов, например проект кафедры лингвистики при Дюссельдорфском университете в 2005 году [16]. (Ср. также книгу В. Клемпера, посвященную языку Третьего рейха Германии [17].)

---

² [https://de.wikipedia.org/wiki/Unwort_des_Jahres_\(Deutschland\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Unwort_des_Jahres_(Deutschland)) (дата обращения: 09.01.2021).

³ <https://www.dwds.de/wb/Unwort> (дата обращения: 15.01.2021).

Среди критериев выдвижения лексических единиц на номинацию слова года можно выделить следующие:

- 1) доминирование данных слов в дискуссиях социума в соответствующем году (при этом имеется в виду не столько их частотность, сколько актуальность и популярность);
- 2) важность обозначаемых событий и степень воздействия этих событий на общественно-политический дискурс;
- 3) языковое своеобразие этих слов.

При этом первые два критерия носят сугубо экстралингвистический характер, а последний является языковым; правда, в такой расплывчатой формулировке его явно недостаточно. Поэтому представляется целесообразным уточнить данный критерий, добавив к нему такие параметры номинируемого слова, как:

- 1) значение с учетом как словарных толкований, так и возможных изменений значения, в том числе приобретение ими ситуативно обусловленных значений;
- 2) семантико-стилистические особенности;
- 3) активность словообразовательных потенциалов.

Данные параметры, уточняющие своеобразие слов и анτισлов года в лингвистическом аспекте, могут послужить основой для их дальнейшего анализа. А представленные выше попытки дефиниции слов и анτισлов года свелись в основном к броским формулировкам или экстралингвистическим моментам, указания же на их языковое своеобразие явно недостаточно для понимания их лингвистической сущности. Помимо предложенных выше параметров для лингвистического анализа слов и анτισлов года необходимо попытаться выяснить суть этих языковых феноменов через те лингвистические понятия, в рамках которых они к настоящему времени либо уже анализируются в лингвистике, либо могли бы быть проанализированы.

3. Лингвистическая сущность слов и анτισлов года

Как уже указывалось выше, лингвистическая сущность феномена слов и анτισлов года ввиду зачастую экстралингвистического подхода к их рассмотрению не всегда выходит на передний план. При этом следует отметить, что однозначное толкование

здесь вряд ли возможно. При анализе данного языкового явления следует учитывать те понятия, с которыми данный феномен имеет отчетливые линии пересечения. Представляется, что при этом речь может идти в первую очередь о таких лингвистических явлениях, как ключевые слова, лингвокультурные концепты, неологизмы.

Так, например, авторы статьи «Феномен актуального слова 2015 года», рассматривая данное явление, напрямую связывают его со словами года и используют данный материал в качестве иллюстративного. При этом, правда, они предпринимают попытку провести разграничение между актуальными словами и словами года, отмечая, что последние не всегда соответствуют параметрам актуального слова, поскольку их отбор основывается не столько на объективных, сколько на субъективных факторах [3].

Близкими к вышеупомянутым актуальным словам понятиями выступают также ключевые слова (называемые по-немецки Schlüsselwort, Schlagwort). Под ключевыми словами понимаются такие слова, которые значимы для социума и занимают ключевые позиции в его языковом и мыслительном пространстве (ср., например, статьи Т. Нира [20], И. Е. Езан и Е. А. Ковтуновой [5]). В немецком онлайн-словаре DWDS приводится такое определение понятия *Schlagwort*: «Слово или словосочетание с высокой степенью узнаваемости для точного обозначения и одновременно выделения общественно значимого процесса или состояния или для характеристики какого-то предмета или личности»⁴. В качестве примера такого слова можно привести *Globalisierung*, которое служит для обозначения современных процессов мирового развития. К ключевым словам среди немецких слов года вполне можно причислить *Klimakatastrophe* (2007).

Еще одно направление в лингвистике, с которым может быть связано изучение слов года, — это когнитивная лингвистика и лингвокультурология, стержневым термином понятийного аппарата которых выступает понятие концепта. Лингвокультурный концепт понимается как элемент национальной лингвокультуры и менталитета, способа миропонимания, задаваемого совокупностью когнитивных и поведенческих стереотипов и установок в их связи с национальными ценностями и особенностями страны.

---

⁴ <https://www.dwds.de/wb/Schlagwort> (дата обращения: 03.01.2021).

Слова года могут стать концептами, потому что обозначают наиболее важные для лингвокультур соответствующих стран изменения, явления или события прошедшего года и таким образом отражают ценностные ориентации того или иного социума, систему его моральных, этических и эстетических предпочтений, иллюстрируя особенности менталитета конкретного лингвокультурного сообщества (см. об этом, например, в статье Е. В. Николаевой [9]). Поскольку при выборе слов года проводятся массовые опросы, это позволяет говорить о приоритетах, волнующих данный социум в определенный период времени. По словам и антисловам года можно проследить произошедшие в обществе за год изменения и изучить языковую картину мира.

К концептам по своей сути приближаются такие слова года, как *Holocaust, Tschernobyl, der 11. September, Finanzkrise, Flüchtlinge* (Германия); *Willkommenskultur, Schweigekanzler, Frankschämen* (Австрия); *Болотная, госдура, крымшаш, Новичок* (Россия). При анализе слов и антислов года в таком ракурсе следует различать предложенные В. И. Карасиком специализированные этнокультурные и социокультурные концепты (выражающие особенности данной культуры), неспециализированные концепты (культурная специфика выражена в меньшей степени, что требует расшифровки скрытых ассоциаций) и универсальные концепты (не имеющие культурной специфики) [8], потому что среди собранных примеров можно различить те слова и выражения, которые обладают разной степенью универсальности и этнической специфичности. Основное отличие исследуемого материала и концептов в их классическом понимании — это временной фактор: слова и антислова года далеко не всегда могут претендовать на долговременность своего существования, новый год приносит с собой другие проблемы, привлекающие внимание социумов.

Слова и антислова года безусловно связаны с процессами неологизации, то есть с постоянным изменением и обновлением лексического состава языка, поскольку при их выборе не в последнюю очередь учитывается собственно языковая составляющая — их лингвистическое своеобразие. Само понятие неологизма трактуется в современной лингвистике достаточно широко: «Неологизмы — слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период времени в каком-либо языке или использованные один раз („оказиональные“ слова) в каком-либо тексте

или акте речи» [7, с. 481], ср. также определения И. В. Арнольд [1, с. 194] и В. С. Виноградова [4, с. 121].

Согласно данным «Немецко-русского словаря неологизмов» Д. Штеффенс и О. А. Никитиной [13], к неологизмам среди слов года относятся, например, следующие слова: *Teuro* (ставшее словом 2002 года как в Германии, так и в Австрии), *Bundestrojaner* (Австрия, 2007), *Hartz IV* (Германия, 2004). Среди анτισлов в состав неологизмов немецкого языка вошли *Ich-AG* (2002) и *Gutmensch* (2015). Председатель жюри Х. Д. Шлоссер обосновал свой выбор тем, что понятие *Ich-AG*, употребленное в концепции реформирования рынка труда Петера Харца, является карикатурой, так как частное лицо не может быть акционерным обществом. Слово *Gutmensch* использовалось для обозначения тех, кто готов помогать «всем без разбора». Оно появилось в немецком языке за несколько лет до выбора его анτισловом года. В словаре Дудена (Duden) (от имени составителя) есть пометка, что данное слово употребляется иронично, обозначая преувеличенно политкорректного человека, который своим поведением начинает действовать на нервы окружающим⁵. (Подробнее о немецких словах года как неологизмах см. в недавно вышедшей статье Е. А. Смологиной, которая активно привлекает примеры из СМИ, что позволяет отследить функционирование слов года в речи [11]; примерно то же делает немецкий исследователь Л. Кунцш [18].) Среди русских слов года к неологизмам можно причислить *госдура* и *крымнаш*.

Но рассмотрение слов и анτισлов года не следует ограничивать перечисленными выше ракурсами. Данный языковой материал вполне может быть изучен и в рамках стилистики, например с точки зрения иронии, юмора, игры слов, языковой критики, табуирования, эвфемизации негативных явлений. Некоторые из этих подходов уже были затронуты в ряде публикаций, см. статьи Р. Патмайр [10] и О. С. Иссерс [6].

Слова и анτισлова года обладают большим словообразовательным потенциалом, хотя сами они представлены, как правило, только одной частью речи — существительным. Несмотря на это, они являются уникальными с лингвистической точки зрения языковыми единицами (не случайно, как указывалось выше, при их отборе принимается во внимание лингвистическое своеобразие).

---

⁵ <https://www.duden.de/rechtschreibung/Gutmensch> (дата обращения: 23.12.2020).

В качестве примеров для иллюстрации этого положения можно назвать ряд слов, настоящих «изюминок» для лингвиста. Например, самое длинное существительное-рекордсмен в немецком языке — это австрийский окказиональный композит *Bundespräsidentenstichwahlwiederholungsverschiebung* (слово 2018 года), которое состоит из 51 буквы. Или уже упоминавшийся контаминат *Teuro*, представляющий собой объединение элементов двух языковых единиц *teuer* ‘дорогой’ + *Euro* ‘евро’. Данная лексема, как, впрочем, и многие другие слова и анτισлова года, получила отражение в словарях (“Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache”, “Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache” и “Duden”) с пометой, что оно используется шутливо в разговорной немецкой речи⁶.

Среди русскоязычных слов года любопытным со словообразовательной точки зрения является «лексический объект» (так его назвала О. С. Иссерс [6, с. 52]) *крымнаш* (2014). Она приходит к выводу, что хотя слово и вошло в язык как хэштег, чем объясняется его слитное написание, сейчас его уже можно рассматривать как отдельную лексему [6]. Хэштегом по своему происхождению является и *Jamaika-Aus* (Германия, 2017), тоже возникшее как восклицание, лозунг или хэштег, однако воспринимаемое сейчас как существительное. В СМИ, в частности при проведении опроса, оно использовалось как существительное с артиклем (*Mehrheit der Deutschen bedauert das Jamaika-Aus*⁷). В Швейцарии словом года в 2017 году стал хэштег *MeToo*, который поделил в том же году в Германии второе-третье место, а по версии словаря Маккуори (Macquarie Dictionary) в Австралии занял первое место в 2018 году.

Иные семантические процессы происходят с такими словами года, как, например, географическое имя собственное *Ibiza* (Австрия, 2019), которое было выбрано из-за внутривнутриполитического скандала (Ибица-гейт) с участием бывшего вице-канцлера Хайнца-Кристиана Штрахе. Если говорить о том, с каким из лингвистических явлений пересекается данное слово года, то его можно назвать прецедентным именем.

Даже такой краткий обзор демонстрирует, насколько большой творческий потенциал несут в себе слова и анτισлова года, при соз-

⁶ <https://www.duden.de/rechtschreibung/Teuro> (дата обращения: 09.01.2021).

⁷ <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/umfrage-mehrheit-der-deutschen-bedauert-das-jamaika-aus-15303392/infografik-15303473.html> (дата обращения: 24.01.2021).

дании которых или при переосмыслении, наращивании значения уже существующих лексем используются все возможности конкретных языков.

4. К проблеме классификации слов и анτισлов года

В существующей лингвистической литературе проблема классификации слов и анτισлов года практически не отражена. Исключением является классификация, предложенная в недавно вышедшей монографии под редакцией Й. Бэра и Я. Терайк, в основе которой лежит тематический принцип [21]. Авторы предлагают выделить три большие тематические группы: исторические события, современная жизнь и особенности менталитета, — которые далее дробятся на более мелкие. В первой группе события подразделяются на происходящие за рубежом и внутри страны. Внутри первой подгруппы выделяются такие темы, как международные отношения, конфликты, терроризм и так далее. Во внутренней жизни значимыми оказываются проблемы, связанные с государством, демократией, партиями, экономикой, финансами, социальными вопросами. Во второй группе в качестве подтем называются техника, СМИ, культура, свободное время, спорт. В третью группу попадают вопросы, связанные с языком, формами социальной жизни и прочим. Эта классификация базируется не только на анализе слов-победителей года, в ней учитываются и слова-кандидаты, что позволяет затронуть более широкий спектр тем. Как следует из описания данной классификации, анτισлова в ней вообще не учитываются.

Наряду с классификацией, предложенной Бэром, еще одна попытка классификации слов и анτισлов года представлена у Р. Ратмайр, материалом для которой послужили австрийские и русские слова/анτισлова года. Она предлагает выделить следующие группы:

- слова года:
  - 1) политическая и общественная жизнь;
  - 2) неправильное поведение политических деятелей и реакцию на него;
- анτισлова года:
  - 1) иммиграция;

- 2) изменения в области социальных систем и политических оценок;
- 3) осуждение поведения влиятельных лиц и групп общества;
- 4) шутливые/агрессивные неологизмы из разных сфер [10, с. 32–33].

Данная классификация носит несколько атомарный характер и сосредоточена в основном на событиях политической и общественной жизни и ее известных представителях.

Очевидно, что в основном слова/антислова года можно причислить к трем крупным тематическим сферам: политика, экономика, социальные вопросы. Проиллюстрируем названные выше тематические группы рядом примеров. Больше всего слов/антислов года соотносится со сферой политики. Эту группу отличает также то, что здесь между словами года, выбираемыми в разных европейских странах, существует много общего, что свидетельствует о глобализации современного мира.

Так, слова 2015 года *Flüchtlinge* (Германия) и *Willkommenskultur* (Австрия) обозначают одно и то же явление, ставшее самым значимым в том году для Европы. Слово со значением 'беженец' стало вторым в десятке главных слов, выбранных советом по норвежскому языку (*Flyktningdugnad*), и оказалось в окончательном списке самых популярных слов, выбранных в Португалии (*Refugiado*), а композит *vluchtelingenhek* 'лагерь беженцев' попал в шорт-лист ведущего словаря голландского языка Ван Дейла (*Van Dale*). В России слово *беженцы* тоже стало словом 2015 года. Данное слово на немецком языке зафиксировано в словарях и выбрано в качестве слова года в своем прямом значении. Интересным явлением стала его словообразовательная продуктивность, породившая целую группу композитов: *Flüchtlingsströme*, *Flüchtlingsflut*, *Flüchtlingsdebakel*, *Flüchtlingswahnsinn*.

Что касается победившего на выборах австрийского слова *Willkommenskultur*, тоже связанного с этой темой, то оно возникло в языке в связи с интеграцией беженцев; под ним подразумевают не просто культуру гостеприимства, а готовность принять беженцев и помочь им в интеграции. Но, обладая изначально положительной коннотацией, оно породило дискуссии о том, не наносит ли миграция вред принимающей стране. И первоначально благожелатель-

ное настроение начало меняться, *Willkommenskultur* ставилась под сомнение, о чем свидетельствует пример из газеты «Цайт» (“Die Zeit”), приведенный в словаре Дудена: *Statt der viel beschworenen Willkommenskultur gehe das Signal eher in Richtung Drohung* (“Die Zeit”, 08.11.2010, Nr. 45)⁸.

Любопытными для сравнения представляются две похожие лексемы в Австрии и Германии, ставшие в 2005 году словами года: *Schweige-Kanzler* (Австрия) и *Bundeskanzlerin* (Германия). В том году слово *Schweige-Kanzler* было использовано по отношению к канцлеру Вольфгангу Шюсселю, который на протяжении недель не сделал никаких публичных заявлений. Это же слово было выбрано словом года во второй раз в 2018 году, теперь уже по отношению к канцлеру Себастьяну Курцу, который в том году избегал делать высказывания на неприятные для него темы. Слово является неологизмом, даже «неожиданным новообразованием» [10, с. 41], и имеет явную отрицательную окраску. Его можно понять только при хорошем знакомстве с внутривнутриполитической ситуацией в стране. Выбор *Bundeskanzlerin* в качестве слова года в Германии был связан с тем, что впервые в истории этой страны главой правительства стала женщина, что породило и само это слово как отдельную лексему с уже положительной окраской.

С точки зрения семантики и австрийской аутентичности вызывает интерес слово года *Vollholler* (Австрия, 2017), которое не зафиксировано в двуязычных словарях. Так, в словаре под редакцией О.И. Москальской зафиксировано только слово *Holler* со ссылкой на слово *Holunder* [2, с. 644]. В словаре Дудена слово *Holler* помечено как «süddeutsch, österreichisch» уже с двумя значениями: 1) ‘Holunder’ и 2) ‘Unsinn’⁹. Слово *Vollholler* стало в Австрии чрезвычайно популярным после того, как тогдашний канцлер Кристиан Керн назвал требование бывшего в то время министром иностранных дел Себастьяна Курца о закрытии маршрута в Средиземном море «политической бессмыслицей» (*politischer Vollholler*). Само слово *Holler* является в Баварии и Австрии разговорным синонимом понятия *Blödsinn*. В Австрии широко известны такие выражения, как *Das ist voll der Holler*, *Red kan Holler*. Поэтому слово

---

⁸ <https://www.dwds.de/wb/Willkommenskultur> (дата обращения: 15.01.2021).

⁹ <https://www.duden.de/rechtschreibung/Holler> (дата обращения: 15.01.2021).

Vollholler можно назвать новообразованием и отметить его сугубо австрийскую аутентичность.

Из сферы экономики наряду с проанализированным выше словом *Teuro* интересным для рассмотрения является слово *Besserwessi* (Германия, 1991), образованное в результате игры слов, — контаминации почти одинаково звучащих *Besserwisser* и сокращения *Wessi*, обозначавшего жителя Западной Германии (после объединения Германии оно употреблялось саркастически по отношению к «зазнающимся» западным немцам, которые считали жителей новых земель Германии нуждающимися в поучениях). В России словом 2017 года выбрано слово *реновация*, но не в его словарном значении, а в том переосмыслении (семантическом сдвиге), которое оно получило в связи с объявленной программой массового сноса домов. Данное слово также отличается своей сугубо российской спецификой и нуждается в лингвострановедческом комментарии при его переводе на другие языки.

Из слов, соотносимых с социальными вопросами, можно назвать австрийское слово 2003 года *Hacklerregelung*, которое подразумевает возможность преждевременного выхода на пенсию для проработавших много лет. Определяющее слово композита *Hackler* — это разговорная восточноавстрийская лексема, не зафиксированная в немецких словарях, которая обозначает рабочих, занимающихся тяжелым физическим трудом. При выборе жюри исходило из того, что данное слово является неологизмом и «австрицизмом» (*Austriazismus*). Из швейцарских слов года можно упомянуть *Sterbetourismus* (2007), которое эвфемистически обозначает эвтаназию, приезд в страну, где тебе помогут уйти из жизни. Это слово можно рассматривать как своего рода оксюморон, потому что определяемое слово композита на первый взгляд никак не ассоциируется со смертью.

В целом можно отметить, что анализируемые слова и словосочетания относятся к общественно-политической лексике, которая часто используется в политическом дискурсе, где затрагивается широкий круг вопросов, взволновавших общественное мнение за прошедший год.

Помимо подобной классификации возможны и другие, основанные на иных лингвистических принципах, например по частеречному признаку, по словообразовательным моделям, по видам лингвокультурологических концептов, по существующим в лекси-

кологии типам неологизмов, по семантическим сдвигам и другому. Ввиду ограниченных рамок статьи данные вопросы невозможно осветить более подробно.

5. Особенности слов и анτισлов 2020 года

Последние из слов и анτισлов года на настоящий момент были выбраны в конце 2020 года, поэтому имеет смысл остановиться кратко на их характеристике.

В Германии в шорт-лист, куда попадают первые 10 из предложенных слов-кандидатов, вошли следующие слова и выражения:

- 1) *Corona-Pandemie* (этот композит и стал словом года);
- 2) *Lockdown* (слово, заимствованное из английского многими языками);
- 3) *Verschwörungserzählung* (слово, соотносимое в русском языке с понятием «ковид-диссиденты»);
- 4) *Black Lives Matter*;
- 5) АНА (аббревиатура основных требований по профилактике заболевания ковидом: *Abstand, Hygiene, Alltagsmaske*);
- 6) *Systemrelevant*;
- 7) *Triage* (выражение, производное от французского *trier*, обозначает ситуацию, когда медики оказались вынуждены выбирать, кому из заболевших помочь в первую очередь);
- 8) *Geisterspiele* (обозначение прежде всего футбольных игр, проходивших при пустых трибунах);
- 9) *Gendersternchen*;
- 10) *Bleiben Sie gesund!* (этикетная формула пожелания здоровья, которая вполне могла бы стать высказыванием года).

Из этого списка восемь слов и выражений непосредственно связаны с основной проблемой прошлого года — коронавирусом. В других странах, где проходят выборы слов года, картина выглядит примерно так же.

В Австрии тоже победу одержало слово, связанное с пандемией коронавируса, — *Babyelefant*. Этот композит являет собой метафорическое обозначение соблюдения рекомендуемой во время пандемии дистанции. Бросается в глаза, что в Австрии в отличие от соседней Германии, где была использована прямая номинация,

при выборе слова года поступили более творчески. Антисловом в Австрии объявили *Corona-Party*, связанное с тем же событием. В Швейцарии словом года стало наречие *systemrelevant*, которое опередило занявшее второе место слово *Maskensünder*. Это наречие уже избиралось в Швейцарии в 2013 году, но как антислово. Свою актуальность оно обрело вновь потому, что швейцарские государственные органы попытались определить, какие отрасли более, а какие менее важны для экономики Швейцарии, что вызвало среди общественности чувство беспокойства и ощущение нестабильности существующей системы.

В России победителями в 2020 году, выбранными Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина, стали два слова — *обнуление* и *самоизоляция*, а Экспертный совет, возглавляемый М. Эпштейном, отдал предпочтение одному из них, а именно *обнулению*. Среди слов, оказавшихся в финале, оказались такие как *карантин*, *ковид*, *конституция*, *коронавирус*, *поправки*, *удаленка*, *голосование*, *дистанцирование*. Таким образом, в жизни российского общества прошедшего года доминировали темы, связанные с коронавирусом и внесением изменений в Конституцию.

Составители толкового словаря английского языка Коллинза (Collins English Dictionary) объявили словом 2020 года *lockdown*, которое тоже связано с пандемией.

Возвращаясь к словам-кандидатам года, выбранным в Германии и не связанным с темой ковида, можно сделать вывод, что особое значение для немецкого общества имели следующие темы: движение темнокожих за гражданские права и против произвола полиции в США (девиз *Black Lives Matter*) и гендерный аспект языка (компонит *Gendersternchen*, обозначающий типографский значок * (астериск), используемый в гендерно нейтральном варианте современного немецкого языка; по поводу этого значка ведутся бурные дискуссии).

Слово 2020 года в Германии *Corona-Pandemie* отличается необычайной словообразовательной активностью, оно стимулировало появление или переосмысление других слов, связанных с этой темой (например, сложные слова с определяющим словом *Corona*: *Corona-Hysterie*, *Corona-Babys*, *Corona-Bonds*, *Corona-Abitur*).

Из представленного краткого обзора ясно, что доминирующей темой 2020 года стала пандемия коронавируса, оказавшая большое влияние на выбор слов и антислов. Аналогичное единодушие отмечалось в 2015 году, когда на первый план вышла тема беженцев.

6. Предварительные выводы

Завершая статью, можно сказать, что проделанный анализ продемонстрировал наличие сходств и различий как между русскими и немецкими словами/антисловами года, так и внутри немецких слов/антислов из разных немецкоязычных стран. Черты сходства объясняются во многом сходством вызовов, стоящих перед всеми странами мира, а отличия связаны с наличием внутринациональных проблем, что особенно очевидно при привлечении к анализу слов-кандидатов. Общим является также стремление к выбору ярких слов или словосочетаний, демонстрирующих креативные языковые возможности с использованием всего арсенала средств каждого из языков.

Литература

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2012. 376 с.
2. Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / под ред. О. И. Москальской. М.: Русский язык, 1980.
3. Вальтер Х., Вепрева И. Т., Мустайоки А. Феномен актуального слова 2015 г. // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4, № 4. С. 121–133.
4. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка. 2-е изд. М.: Высшая школа, 2003. 244 с.
5. Езан И. Е., Ковтунова Е. А. Дискурс-анализ немецких ключевых слов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 4 (82), ч. 1. С. 99–105.
6. Иссерс О. С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4 (50). С. 48–53.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Карасик В. И. Концепты-регулятивы // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей*. Вып. 30. М.: Макс Пресс, 2005. С. 95–108.
9. Николаева Е. В. «Слова года» как лингвокультурные концепты // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 10 (76), ч. 1. С. 21–32.
10. Ратмайр Р. Что под маской?: Слова и антислова года в России и Австрии // *Карнавал в языке и коммуникации*. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2016. С. 29–52.
11. Смологина Е. А. Феномен «слов года» в немецком языке // *Исследования языка и современное гуманитарное знание*. 2020. Т. 2, № 1. С. 12–17.

12. Стекольников Н. В. Слово года как знак времени (социолингвистический аспект) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 27–31.

13. Штеффенс Д., Никитина О. А. Немецко-русский словарь неологизмов: Новая лексика в немецком языке: 1991–2010. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2016. 332 с.

14. Эпштейн М. Впервые в России выбраны слово и антислово года // Культура письменной речи: Русский язык и литература. Дата публикации: 30.12.2007. <http://grammar.ru/RUS/?id=1.39> (дата обращения: 10.11.2020).

15. Эпштейн М. Слово года 2019: Итоги // Сноб. Дата публикации: 12.12.2019. <https://snob.ru/profile/27356/blog/162528/> (дата обращения: 22.12.2020).

16. Allroggen A. Das zähe Überleben der NS-Sprache // Deutschlandfunk. Дата публикации: 27.01.2005. https://www.deutschlandfunk.de/das-zaeche-ueberlebender-ns-sprache.680.de.html?dram:article_id=34542 (дата обращения: 15.01.2021).

17. Klemperer V. „LTI“ — Lingua Tertii Imperii — die Sprache des Dritten Reiches. Frankfurt a/M.: Röderberger, 1982. 300 S.

18. Kuntzsch L. Die „Wörter des Jahres“ in Deutschland seit über 40 Jahren als Elemente von Diskursen und Texten // Text und Diskurs. 2017. Nr. 10. S. 263–275.

19. Muhr R. Das österreichische Wort des Jahres: Geschichte — Intentionen und Ergebnisse // APTUM: Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur. 2007. Nr. 1. S. 42–62. <http://www.oeddeutsch.at/OEDTBIB/107-Muhr-2007-Wort20des-20Jahres.pdf> (дата обращения: 19.12.2020).

20. Niehr Th. Schlagwort // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / hrsg. von G. Ueding; in 10 Bdn. Bd. 8: Rhet — St. Tübingen: Niemeyer, 2007. S. 496–502.

21. Von „Szene“ bis „postfaktisch“ — Die „Wörter des Jahres“ der Gesellschaft für Sprache 1977 bis 2016. Bd. 14); Reihe Thema Deutsch / hrsg. von J. A. Bär, J. Tereick. Hildesheim: Georg Olms, 2017. 412 S.

References

1. Arnold I. V. *Lexicology of the Modern English: Textbook*. 2nd ed., rev. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2012. 376 p. (In Russian)

2. *Big German-Russian Dictionary*, in 2 vols., ed. by O. I. Moskal'skaia. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1980. (In Russian)

3. Walter H., Vepreva I. T., Mustajoki A. The Phenomenon of the Topical Word of 2015. *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 121–133. (In Russian)

4. Vinogradov V. S. *Lexicology of Spanish*, 2nd ed. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2003, 244 p. (In Russian)

5. Jesan I. J., Kovtunova E. A. Discourse Analysis of German Keywords. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 4 (82), part 1, pp. 99–105. (In Russian)

6. Issers O.S. In Search of a General Vocabulary: Discourse Practices of the Contemporary History Through the Lens of the Projects “Word of the Year”. *Politicheskaia lingvistika*, 2014, no. 4 (50), pp. 48–53. (In Russian)

7. *Linguistical Encyclopedical Eictionary*, ed. by V.N. Iartseva. Moscow, Sovetskaja entsiklopediia Publ., 1990, 685 p. (In Russian)

8. Karasik V.I. Regulative Concepts. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: sb. statei*, issue 30. Moscow, Maks Press Publ., 2005, pp. 95–108. (In Russian)

9. Nikolaeva E. V. “Words of the Year” as Linguocultural Concepts. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 10 (76), part 1, pp. 21–32. (In Russian)

10. Rathmayr R. What’s Under the Mask? Words and Non-words of the Year in Russia and Austria. *Karnaval v iazyke i kommunikatsii*. Moscow, Izd-vo Ros. gos. gumanit. un-ta Publ., 2016, pp. 29–52. (In Russian)

11. Smologina E. A. Phenomenon of the “Words of the Year” in German. *Issledovanie iazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 12–17. (In Russian)

12. Stekol’nikova N. V. Word of the Year as a Sign of the Time (in Sociolinguistic Aspect). *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul’turnaia kommunikatsiia*, 2017, no. 1, pp. 27–31. (In Russian)

13. Steffens D., Nikitina O. A. *German-Russian Vocabulary of Neologisms: New Lexis in German: 1991–2010*. Mannheim, Institut für Deutsche Sprache, 2016, 332 p. (In Russian)

14. Epshtein M. For the First Time in Russia, the Word and Anti-word of the Year Were Chosen. *Kultura pis’mennoi rechi: Russkii iazyk i literatura*, publication date: 30.12.2007. <http://grammar.ru/RUS/?id=1.39> (accessed date: 10.11.2020). (In Russian)

15. Epshtein M. Word of the Year 2019: Results. *Snob*, publication date: 12.12.2019. <https://snob.ru/profile/27356/blog/162528/> (accessed date: 22.12.2020). (In Russian)

16. Allroggen A. Das zähe Überleben der NS-Sprache. *Deutschlandfunk*, publication date: 27.01.2005. https://www.deutschlandfunk.de/das-zaehe-ueberleben-der-ns-sprache.680.de.html?dram:article_id=34542 (accessed date: 15.01.2021).

17. Klemperer V. „LTI“ — *Lingua Tertii Imperii* — *die Sprache des Dritten Reiches*. Frankfurt a/M., Röderberger, 1982, 300 p.

18. Kuntzsch L. Die „Wörter des Jahres“ in Deutschland seit über 40 Jahren als Elemente von Diskursen und Texten“. *Text und Diskurs*, 2017, no. 10, pp. 263–275.

19. Muhr R. Das österreichische Wort des Jahres: Geschichte — Intentionen und Ergebnisse. *APTUM: Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur*, 2007, no. 1, pp. 42–62. <http://www.oedeutsch.at/OEDTBIB/107-Muhr-2007-Wort20des-20Jahres.pdf> (accessed date: 19.12.2020).

20. Niehr Th. Schlagwort. *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, ed. by G. Ueding, in 10 vols., vol. 8: Rhet — St. Tübingen, Niemeyer, 2007, pp. 496–502.

21. Von „Szene“ bis „postfaktisch“ — Die „Wörter des Jahres“ der Gesellschaft für Sprache 1977 bis 2016. Vol. 14; Reihe Thema Deutsch. Ed. by J.A.Bär, J. Tereick. Hildesheim, Georg Olms, 2017, 412 p.

Григорьева Любовь Николаевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Liubov N. Grigorieva

Associate Professor of German Philology Department,

St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: l.grigoreva@spbu.ru

SPIN-код: 3107-2852; Author ID: 805132